

С. Ю. Бытко*

Элементы объективного вменения в составах преступлений против общественной безопасности

В действующем уголовном законодательстве провозглашается недопустимость объективного вменения, т. е. уголовной ответственности за невиновное причинение вреда (ч. 2 ст. 5 УК РФ).

Общепринятая позиция состоит в том, что объективное вменение в праве свидетельствует о низком уровне правовой культуры, позволяет привлекать к уголовной ответственности невиновных, а виновным – избегать уголовной ответственности¹. Действительно, исторически понятие вины связывалось не с психической деятельностью виновного, а с взысканием за деяние, с конкретным состоянием лица, фактически совершившего деяние².

* Доцент кафедры уголовного права и криминологии Саратовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

¹ См., напр.: *Колосовский П.* Очерк исторического развития преступлений против жизни и здоровья. Опыт исследования по русскому праву. М., 1857. С. 77; *Миرونнов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 2. С. 13–14.

² См.: *Рогов В. А.* История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1995. С. 53–54.

Однако представление об объективном вменении как о свидетельстве неразвитости права является чрезмерно упрощенным. Здесь необходимо учитывать высокую степень коллективизации общественной жизни России, наблюдавшуюся еще двести лет назад. Община зачастую признавалась самостоятельным субъектом отношений. Неудивительно, что и ответственность за совершенное кем-то из общинников преступление разделялась между остальными ее членами, как это было по Русской Правде.

В. А. Рогов усматривал истоки объективного вменения в христианской идее о всеобщей взаимосвязи мировых явлений. Действия человека независимо от его желаний отражаются на других людях. Вина за первородный грех «падает» на всех потомков, за деяния грешных царей расплачиваются народы. Отсюда проистекает законность объективного вменения³.

Аналогичной логики придерживались не только христиане. В 1238 г. войсками хана Батыеа был взят и сожжен город Козельск. Л. Н. Гумилев объясняет это так: «Многие русские города во время похода Батыеа не пострадали. «Злым городом» был объявлен только Козельск, князь которого Мстислав Святославович Черниговский был среди тех «великих» князей, которые принимали решение о казни монгольских решали судьбу послов (речь о казни монгольских послов. — С. Б.). Монголы полагали, что подданные злого правителя несут ответственность за его преступления. У них самих было именно так. Они просто не могли себе представить князя вне «коллектива». Поэтому пострадал Козельск»⁴.

В этой связи просто необходимо вспомнить про такое коллективное наказание, как децимацию. У монголов по свидетельствам современников существовало правило, по которому в случае бегства с поля боя одного или нескольких воинов умерщвлялись все остальные бойцы соответствующего подразделения. Аналогичное наказание применялось и к тем, кто не предпринимал попыток освободить своих товарищей из плена⁵. Децимация применялась и в римской армии как исключительно эффективная мера повышения боеспособности войск.

Объективное вменение продолжало сохраняться в российском праве достаточно длительное время. Как отмечает Б. Н. Миронов, еще в XVIII–XIX вв. все члены сельских общин несли финансовую ответственность за лиц, не уплативших в срок налоги, а в XIX в. редактор журнала или газеты нес ответственность за содержание напечатанных в них статей⁶. Однако окончательно объективное вменение дискредитировало в советский период развития России⁷.

Советской властью принимались нормативные акты, позволявшие применять меры уголовной репрессии не только к преступникам, но и к прикосновенным к преступлениям лицам. Одним из наиболее таких одиозных примеров является декрет о красном терроре, предусматривающий смертную казнь и для лиц, участвующих в белом движении, и для прикосновенных лиц⁸. Сложилась ситуация, когда советские юристы на сло-

³ См.: Рогов В. А. Указ. соч. С. 55–56.

⁴ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 2002. С. 529.

⁵ См.: Джованни дель Плано Карпини. История монголов. М., 1997. С. 53.

⁶ См.: Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 14–15.

⁷ См.: Данакари Р. Р. Объективное вменение в практике советской политической юстиции // Юрист-правовед. 2008. № 2. С. 92–95.

⁸ СУ. 1918. № 65.

вах осуждали объективное вменение, в то время как на практике оно было повсеместно распространено. Как отмечает В. В. Лунеев, по мелкоуголовным преступлениям суды детально разбирались в психологических нюансах, но закрывали глаза на миллионы невинно осужденных и репрессированных⁹.

Однако считать, что именно особенности уголовного законодательства привели к репрессиям, означало бы поменять местами причину и следствие. Причины, по которым допускалось массовое нарушение прав и свобод граждан, лежат, на наш взгляд, прежде всего в политической плоскости. Особенности же формирования уголовного законодательства и практики его применения являются следствием политических процессов.

Несмотря на то, что и сегодня объективное вменение оценивается теоретиками права в основном отрицательно, оно тем не менее продолжает достаточно часто встречаться в уголовной практике.

Сохраняются и предпосылки объективного вменения, к которым В. В. Лунеев относил, в частности, установление уголовной ответственности за социально полезную деятельность, создание «каучуковых» составов преступлений, сохранение фактической аналогии, предубежденного толкования законов, идеологического обоснования вины, тенденциозной или ошибочной оценки доказательств, неправомερных действий для получения признания в «вине» и т. п.¹⁰

В работах современных юристов приводится множество примеров объективного вменения. Отмечается, что привлечение к уголовной ответственности за совершение преступлений в сильной степени алкогольного или наркотического опьянения происходит с нарушением принципа субъективного вменения, поскольку виновный не осознает фактического характера своих действий, не может осознавать общественной опасности, а также их контролировать. Таким образом, привлечение к уголовной ответственности таких лиц осуществляется с позиций объективного вменения исходя из соображений практической целесообразности¹¹.

Ш. А. Кудашев считает, что объективное вменение имеет место также при привлечении к уголовной ответственности за кражу с причинением значительного ущерба гражданину, поскольку оценку ущерба производит потерпевший, а виновный, совершая хищение, может не осознавать этого обстоятельства¹².

В. Титова обнаруживает объективное вменение при привлечении к уголовной ответственности за контрабанду, поскольку оценка стоимости имущества, перемещаемого контрабандой через таможенную границу,

⁹ См.: Лунеев В. В. Субъективная сторона преступления // Курс российского уголовного права. Общая часть. М., 2001. С. 283.

¹⁰ См.: Лунеев В. В. Предпосылки объективного вменения и принцип виновной ответственности // Государство и право. 1992. № 9.

¹¹ См., напр.: Бавсуи М. В., Векленко С. В., Фаткуллина М. Б. Объективность и целесообразность некоторых форм виновного вменения в уголовном праве // Правоведение. 2006. № 4. С. 125–134; Спасенников Б., Спасенников С. Определение понятия «опьянение» в уголовном праве // Уголовное право. 2007. № 4; Лейкина Н. С. К вопросу об обоснованности ответственности за преступления, совершаемые в состоянии опьянения // Вестник Ленинградского университета. 1958. № 11. С. 120.

¹² См.: Кудашев Ш. А. К. Маркс о краже леса и не только: некоторые проблемы дифференциации уголовной ответственности и наказания за хищения по УК РФ // Мировой судья. 2006. № 11.

осуществляется экспертом исходя из рыночной, а не таможенной стоимости перемещаемого имущества, о которой виновный может не иметь представления¹³.

И. Теслицкий приводит пример, когда привлечение к уголовной ответственности водителей за нарушение правил дорожного движения (например, при наезде на пешехода) осуществляется без учета индивидуальных психофизиологических качеств конкретного человека на основании усредненной скорости реакции – 0,8 с. При этом 0,4 и 1,2 секунды – это предельные пороги времени нормальной реакции, по мнению как отечественных, так и зарубежных исследователей¹⁴.

Игнорирование индивидуальных физиологических особенностей конкретного человека также создает предпосылки невинного привлечения к уголовной ответственности за причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны. Как известно, дополнение ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона» частью 2.1 освобождает лицо от ответственности за превышение пределов необходимой обороны, если в случае неожиданности посягательства обороняющийся не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения. Отметим, однако, что обороняющийся вряд ли способен дать объективную оценку действий нападающего. Эта оценка всегда будет субъективной, таковы люди. Более или менее адекватная оценка ситуации зависит от индивидуальных особенностей личности обороняющегося, его психики, жизненного опыта и т. п. Нормальная скорость реакции у различных людей отличается очень сильно. Однако также отличается и восприятие, особенно в экстремальных условиях. В этой связи Э. В. Кабурнеев правильно, на наш взгляд, отмечает, что следственные органы неверно оценивают действия обороняющегося, в отношении которого фактически допускается объективное вменение¹⁵.

Н. А. Лопашенко, анализируя ч. 3 ст. 247 УК РФ, указывает, что вменение лицу приготовления к действию, влекущему последствия, которые лишь могут наступить, означает объективное вменение¹⁶. Обобщая ее мысль можно сказать, что привлечение к уголовной ответственности за приготовление к преступлению с двойной формой вины противоречит уголовно-правовому принципу вины.

По нашему мнению, объективному вменению в ряде случаев способствует, как отметил В. В. Лунеев, оценочное презюмирование некоторых волевых и интеллектуальных моментов вины. На основе оценочных суждений «не предвидел, но мог и должен был предвидеть» формулируется уголовная ответственность за небрежность¹⁷. Например, уголовная практика идет по пути вменения п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ в случае совершения изнасилования, повлекшего по неосторожности тяжкие последствия в виде

¹³ См.: *Титова В.* Крупный размер контрабанды // *Законность.* 2008. № 5.

¹⁴ См.: *Теслицкий И.* Невинное причинение вреда по психофизиологическому основанию // *Уголовное право.* 2008. № 3.

¹⁵ См.: *Кабурнеев Э. В.* О некоторых проблемах квалификации фактов причинения смерти при превышении пределов необходимой обороны // *Российский следователь.* 2007. № 1.

¹⁶ См.: *Лопашенко Н. А.* Квалификация неоконченной деятельности и соучастия в экологических преступлениях // *Законность.* 2007. № 10.

¹⁷ См.: *Лунеев В. В.* Предпосылки объективного вменения и принцип виновной ответственности // *Государство и право.* 1992. № 9.

самоубийства потерпевшей¹⁸. Основанием для привлечения к уголовной ответственности в данном случае является расширительное толкование умысла, при котором «виновный должен осознавать все возможные последствия своих действий (бездействия)». Очевидно, что суды в подобных случаях руководствуются не принципом субъективного вменения, а соображениями целесообразности привлечения к уголовной ответственности. Игнорирование смерти потерпевшей при квалификации подобных преступлений вопиющим образом противоречило бы принципу справедливости.

По мнению Н. Мелешко и Р. Куссмауль, в ряде случаев вменение в вину несовершеннолетним некоторых квалифицирующих признаков осуществляется без учета возможностей подростков в полной мере осознавать их общественную опасность. Авторы отмечают, что подростки зачастую руководствуются «стадным инстинктом», а не разумом и волей. Поэтому применение квалифицирующих признаков «совершение преступления группой, группой лиц по предварительному сговору» неправомерно¹⁹.

Однако не только подростки затрудняются в оценке общественной опасности признаков отдельных форм соучастия. В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ организованная группа характеризуется признаком устойчивости. Верховный Суд РФ неоднократно раскрывал этот признак. В соответствии с неоднократными рекомендациями Верховного Суда РФ об устойчивости группы может свидетельствовать достаточно продолжительное время ее существования. Оценки длительности даются в соответствии с субъективными представлениями судьи и могут не соответствовать оценке участников группы. Таким образом, возникают предпосылки объективного вменения данного квалифицирующего признака.

Еще сложнее обстоит дело с такой формой соучастия, как преступное сообщество (преступная организация). В определении данной формы соучастия согласно ч. 5 ст. 35 УК РФ имеется не один оценочный признак «устойчивость», а целых два — «устойчивость» и «сплоченность»²⁰. Заметим, что толкование понятия «сплоченность» Верховным Судом РФ дано только в 2008 г.²¹, а до этого более десяти лет существовала неопределенность, при которой суды пытались самостоятельно трактовать этот термин. Например, указывалось, что сплоченность может свидетельствовать об устойчивости организованной группы (банды)²². При таком подходе

¹⁸ Определение № 31–098–35 по делу Истратова // БВС РФ. 1999. № 3. С. 18; п. 17 ПВС РФ от 15.06.2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132» // БВС РФ. 2004. № 8.

¹⁹ См.: Мелешко Н., Куссмауль Р. Исключить объективное вменение квалифицирующих обстоятельств несовершеннолетним // Российская юстиция. 2002. № 6.

²⁰ Имеется в виду та часть определения, согласно которой под преступным сообществом (организацией) понимается сплоченная организованная группа, т.е. группа устойчивая как любая организованная группа и одновременно сплоченная.

²¹ Имеется в виду Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2008 г. № 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» // БВС РФ. 2008. № 8.

²² Лица обоснованно осуждены по ст. 209 УК РФ за создание банды и участие в ней (Извлечение) // БВС РФ. 2004. № 4; Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2001 год. Приговор Верховного Суда Республики Башкортостан отменен в части осуждения Глазкова и Егорова по ч. 1 ст. 209 УК РФ за недоказанность, а по п. «а», «б» ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 162 УК РФ — за отсутствием состава преступления // БВС РФ. 2002. № 9.

признаку сплоченности вообще отказывалось в праве на самостоятельное существование. Привлечение к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ в отсутствие единого судебного толкования признака сплоченности преступного сообщества могло осуществляться только с позиций объективного вменения.

Аналогичная ситуация складывается при привлечении к уголовной ответственности за незаконный оборот оружия. Как известно, к числу предметов преступления по ст. 222 УК РФ не относится гладкоствольное огнестрельное оружие. В соответствии со ст. 6 Закона РФ «Об оружии» устанавливаются некоторые ограничения на оборот гражданского оружия. В частности, запрещено к обороту в качестве гражданского огнестрельное длинноствольное оружие с емкостью магазина (барабана) более 10 патронов, имеющее длину ствола или длину ствола со ствольной коробкой менее 500 мм и общую длину оружия менее 800 мм, а также имеющего конструкцию, которая позволяет сделать его длину менее 800 мм²³.

Таким образом, незаконное хранение оружия длиной менее 800 мм образует состав преступления, предусмотренный ст. 222 УК РФ. Незаконное хранение оружия длиной 801 мм уже не является с точки зрения законодателя общественно опасным. Очевидно, что привлечение к уголовной ответственности по ст. 222 УК РФ в некотором роде предполагает элементы объективного вменения, иначе сложно объяснить, почему гражданин должен осознавать общественную опасность хранения оружия длиной, например, 799 мм.

Анализ приведенных выше примеров позволяет сделать следующие выводы:

- объективное вменение, несмотря на его запрет, фактически сохраняется в уголовном праве;
- критика объективного вменения несостоятельна, поскольку его противники возражают не против привлечения к уголовной ответственности за невиновное причинение вреда, а против коллективной ответственности. Между тем эти явления не тождественны. По крайней мере, можно говорить о том, что коллективная ответственность есть проявление объективного вменения в широком смысле, тогда как УК РФ трактует его более узко;
- объективное вменение в узком смысле (как понимает его УК РФ) выполняет важную функцию восстановления социальной справедливости при привлечении к уголовной ответственности за неосторожные преступления, повлекшие существенный вред;
- запрет объективного вменения в узком значении является не более чем правовой фикцией, законодательным приемом, позволяющим примирять формализм уголовного законодательства и многогранность реальной жизни.

²³ Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» // Российская газета. 1996. 16 дек.